

Николай Добролюбов

**«Очерки Дона» А.
Филонова**

Николай Александрович Добролюбов «Очерки Дона» А. Филонова

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3090385*

Аннотация

В статье критик продолжает свои размышления о ходе русской жизни, о настоящем деле, о задачах нового поколения. Книгу А. Филонова он рассматривает как одну из «литературных мелочей», образец рутинной мысли и рутинного слога с претензией на столичный лоск, новизну.

Содержание

Примечания
Комментарии

28

Николай Александрович Добролюбов «Очерки Дона» А. Филонова

СПб., 1859

Месяц тому назад говорили мы о литературных деятелях, являющихся в провинции, и указывали, между прочим, на г. Фирсова как на человека, которому провинциальная жизнь не помешала быть вполне живым и современным^[1]. Теперь перед нами лежит новая книга, тоже сочиненная в провинции, но уже подающая повод к соображениям совершенно другого рода. Автор «Очерков Дона» г. Филонов – человек петербургский и не без некоторого шику старается дать заметить это читателям своей книги. Разбирая игру одного актера в роли Хлестакова, он замечает, что у актера этого «*тому петербургского совсем не выказалось*»; говоря о Московской улице в Новочеркасске, г. Филонов вспоминает о «Невском проспекте, на котором красуются огромные дома и магазины с разноязычными надписями». В самом начале своих очерков автор говорит: «Не вспоминаю о тягостной для меня разлуке с Петербургом, где я получил окончательное образование», и пр.

Итак, мы имеем дело с петербургским человеком, занесенным судьбою в провинцию и делающим над нею свои наблюдения. Посмотрим же, что такое он пишет.

К крайнему удивлению нашему, г. Филонов, «получивший в Петербурге *окончательное образование*», оказывается простодушным и наивным ребенком, которого интригуют и удивляют самые простые вещи, известные самому незрелому отроку. Он, например, удивляется, что в Новочеркасске есть улицы, по которым ездит много экипажей и ходит много народу... Это необыкновенное явление он описывает таким образом: «Почти на верстном протяжении улицы, в два ряда, *не мешая друг другу*, едут охотники и охотницы до катанья; коляски, кареты, щегольские санки, закрытые и открытые экипажи – все это гремит и летит пред твоими *изумленными* очами» (стр. 11). Завидно то окончательное образование, которое г. Филонов получил в Петербурге: поживши в столице и походивши по ее улицам, он *изумляется*, видя, что люди ездят по улице в два ряда, не мешая друг другу!.. Не меньшего удивления автора заслужило и то обстоятельство, что в Новочеркасском соборе певчие поют, а народ молится. Вот его описание:

Сообщу тебе свои впечатления после того, как я был и первый раз за обеднею в соборе. Служил тогда высокопреосвященный Иоанн, архиепископ Донской и Новочеркасский; *пели певчие*, разделившись на два хора – собственно архиерейские и войсковые.

*Торжественность служения архиерейского, тихий голос старца архипастыря, набожно молящийся народ, которым была наполнена вся церковь, всеобщая тишина – все это глубоко тронуло меня. Не забуду долго первой обедни, которую я слушал в Новочеркасске. Где я ни был после того, *езде расхваливал певчих и их согласное пение...* После моего двухнедельного пути слушание обедни в соборе было истинным счастьем и покоем; редко человеку посылается в жизни подобный благочестивый праздник сердца, когда, сбросив все до одной суетные мысли о мире и себе, живешь уже другую жизнь; кажется, сейчас бы поднялся с земли и улетел, куда несется мысль, окрыленная молитвою и пламенеющая огнем ее (стр. 12).*

Не будем говорить о красотах слога в этом описании, но не примечаете ли вы в нем, что торжественность архиерейского служения, пение певчих, народ, наполняющий церковь и молящийся, – представляют для автора как будто что-то невиданное, чрезвычайное, неожиданное... Неужели же, в самом деле, автор, получая в Петербурге окончательное образование, не предполагал найти ничего подобного в русских губернских городах?

Интересно также, что автор, отправляясь в Новочеркасск на житье, ничего не знал о тамошнем памятнике Платову и тоже пришел в изумление, увидав его. Описывая в письме к другу свои первые впечатления в Новочеркасске, г. Филонов рассказывает: «Здесь стоял памятник. Кому? – я не

знал». Описав потом очень хорошим слогом памятник, «его устремленные вдаль очи, грозную осанку, богатырскую, могучую грудь, руки» и пр., г. Филонов снова вопрошает: «Кто же он, этот величественный воин?» И на вопрос этот отвечает, не без пафоса, следующим образом:

Читай, мой друг, читай надпись: «Атаману графу Платову за военные подвиги с 1770 по 1816 годы – признательные донцы». Мое слово не в силах высказать всех мыслей и чувствований, закипевших теперь во мне. Мальчиком, мальчиком я почувствовал себя при взгляде на могучего Платова; стоя у подножия этого мужественного ратника, грозы действительно грозного Наполеона I, я не нашел слов в своем сердце для приветствия незабвенному в истории России и в сердце каждого русского атамана войска донского. Так пусть же «Певец в стане русских воинов»^[2] на своей «боевой лире» прогремит ему песнь (стр. 7).

И затем приводится куплет из «Певца»...

Как видно из некоторых мест книги, г. Филонов – учитель русской словесности в новочеркасской гимназии. Из других мест видно, что он – человек еще очень молодой, человек *нового поколения*. Вот некоторые подробности, сообщаемые им о себе в письме к другу от 1 февраля 1856 года:

Я увидел Новочеркасск. Церковь показалась прежде всего; при взгляде на нее я сотворил молитву... Не сочти за лицемерие этого откровенного моего признания. Представь – ведь ехал «юноша», по воле

государя, *в первый раз на должность*, юноша, взятый на седьмом году от отца и матери в школу, под царское крыло, гревшее и хранившее его целые шестнадцать лет, – ехал в город, дальний и от родины и от места образования: представь это а не удивишься, если была тронута душа при виде города, где впервые суждено было мне начать свою службу царю. Поколебалось сердце; не стало в нем силы; не нашлось крепости... И вот, как будто в успокоение волнующихся мыслей, восстала церковь на привет новому члену общества; *она издали текла(!)* к нему, *как отец к своему сыну*, и говорила: «Мир тебе!» Благословенна Россия! Везде на ее земле – прежде виднеется крест церкви, потом дома и после уже люди: это знак того, что вера – первый спаситель русского человека; что без нее не увидит он ни родного дома, ни родимых родителей, ни всех присных сердцу (стр. 6).

Мы привели этот отрывок затем, чтобы 1) показать читателям, что г. Филонов, по собственному сознанию, еще *юноша*; 2) чтобы дать образчик слога, которым он пишет; 3) чтобы раскрыть, хотя отчасти, возвышенность его стремлений. Рассмотрев три указанные пункта и припомнив, что г. Филонов – учитель гимназии, читатели сами могут вывести заключение о благотворности того влияния, какое должен иметь подобный учитель – на слог своих учеников. Всякий, кто учился в какой-нибудь школе, может припомнить, что значит для подрастающих мальчиков новый, молодой учи-

тель, особенно по такому предмету, как словесность или история. Некоторые почтенные люди полагают, что ученикам решительно все равно, каково преподавание учителя, и что они интересуются только тем, строго или не строго будет он ставить баллы. Не знаем, – может быть, так и было в те времена, когда учились эти почтенные люди. Но теперь совсем не то. Поговорите с любым гимназистом четвертого, даже третьего класса: вы убедитесь, что только отъявленные лентяи да *первые ученики* ценят учителя по тому, как он расставляет баллы. Большинство же ищет в учителе – сведений, ума, направления... да, направления даже. Несколько лет тому назад мы знали учителя, которого ученики не терпели за то собственно, что он в свои уроки постоянно старался ввертывать молчалинские правила. Конечно, такие учителя встречаются всего чаще между людьми устаревшими, отсталыми, отжившими, которые держатся на своих местах по какому-то непостижимому упорству, вопреки всем желаниям и требованиям – не только учеников, но и начальства. Нам привелось слышать, как однажды на пароходе какой-то старик рассказывал о своей сорокапятилетней службе в учебном заведении. «Уж чего со мной мальчишки ни делали, – говорил он, – и смеялись, и ругались, и не кланялись, и бить собирались, – а я все оставался. Пенсию выслужил – и все-таки остался. Раз меня вечером за углом подкараулили и чуть голову не проломили; а я через неделю выздоровел – и все-таки остался. В другой раз чернильницами меня забросали;

что же? их перепороли, – а я все-таки остался...» и т. д.

Разумеется, подобный учитель не слишком много пользы может приносить своим питомцам. А между тем в массе молодежи всегда есть искренние, теплые стремления к знанию, к правде, к живой деятельности мысли и воли. Понятно, что ученики с таким доверием и радостью обращаются ко всему молодому, выбирают своими любимцами учителей новых, которые сами только что сошли со школьной скамейки и, следовательно, лучше могут сочувствовать всем юным порывам. Старые учителя имеют для учеников не то одно неудобство, что они часто не следят за современными успехами науки. Это бы еще не могло развести их с молодежью. Но беда в том, что у старых людей самый склад мыслей обыкновенно бывает уж совсем другой, нежели какой нужен для молодежи. И это особенно надо сказать о нашем обществе, для которого ход развития облегчается предшествующей европейской историей и потому совершается скорее, чем до сих пор совершался у других народов. У нас для каждого поколения меняется задача жизни, каждое поколение видит себя в новой обстановке, в новых условиях деятельности. Несколько месяцев тому назад мы подробно говорили об этом, рассуждая о том, почему человек, двадцать лет тому назад являвшийся мощным Печориным или привлекательным Рудиным и внушавший к себе всеобщее сочувствие, теперь уже есть не что иное, как жалкий, негодный Обломов^[3]. Теперь чувствуется настоятельная надобность в деле – настоящем, се-

рзном деле, а не в блестящих фразах и не в переваливание из кулька в рогожку. На дело это нет уже мужества, нет воли у нас, у всех нас, несчастных мучеников собственной лени и апатии, у всех нас, балованных трусов, еще сильно захваченных обломовщиной... Но мы уже поняли весь вред, всю гадость, всю презренность этой обломовщины, и мы не будем иметь духа поставить ее правилом и идеалом жизни для своих детей и учеников. Они вырастут, они *должны* вырасти с любовью к делу, с готовностью стоять за правду и не щадить ничего для поражения зла. Они внесут в свою деятельность —

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду...^[4]

Именно эти люди сидят теперь на скамейках гимназий и уездных училищ; именно они должны совершить то дело, которое пришлось не под силу нам и которое с высот печоринского байронизма, через рудинский пафос, повергло нас в навозную кучу обломовщины. Наше дело теперь уж второстепенное: мы должны готовить ту обстановку, которая могла бы благоприятствовать благому делу возрастающего поколения; мы должны помогать возникающим деятелям, благословляя их на тот путь, которого нам не суждено было пройти, и откровенно рассказывая им, как ничтожны,

вздорны и призрачны были все препятствия, которые оставили нас, – как пошлы и бестолковы были все иллюзии, которые задерживали нас на месте. И благо нам, если хоть на это станет нас, если хоть полной искренностью и отсутствием претензий на благоговение пред нами новых деятелей выкупим мы нашу прошедшую обломовщину!..

Но – боже мой! – куда занеслись мы, о чем мы заговорили, по поводу г. Филонова!! К нему-то уж никак нельзя приложить всего, о чем мы толковали: он сам еще *юноша*, и притом наивный, ничего не ведающий юноша! Он представляет любопытный пример того, каким образом можно получить в Петербурге окончательное образование и быть совершенно невинным младенцем относительно всех предметов природы и общежития. Что, например, в степи летом жарко бывает, – он этому удивляется и записывает; что вода напирает на затопленную барку и заставляет ее скрипеть, – этого он понять не может; наехавши на водоворот, он не может разгадать, что это такое... Мы не выдумываем на г. Филонова и в доказательство приведем его собственный рассказ о его наблюдательности во время поездки на лодке по Дону с одним малороссом:

Как русский, недавно прибывший на Дон, я многого не понимал здесь; чтобы записывать все новое и любопытное для меня, я имел при себе лист бумаги и карандаш. Хохол подметил это и начал трунить. На Дону сидели дикие утки. «Что такое?» – спросил

я. «Сагайдаки», – отвечал серьезный хохол и мигнул своему товарищу... Ехали мы мимо барки, затопленной по случаю военных обстоятельств; от напора воды она скрипела. «Что такое?» – «Это, барин, *домовой играет*», – сказал хохол и захохотал что есть мочи... Наехали на водоворот. «Что такое?» – «Это *черти скубутся*», – отвечал хохол (стр. 28).

Г-н Филонов приводит это затем, чтобы показать, до какой степени лукавый народ – эти хохлы! Читатель видит, много ли надобно лукавства, чтобы мистифицировать этого юношу, который, «*как русский, недавно прибывший на Дон*», не имеет понятия о диких утках, водовороте и затопленных барках...

То же самое и в отношении к общежитию. В одном месте (стр. 64) г. Филонов утверждает, что заведение библиотеки в Новочеркасске будет очень успешно, и основывает свою мысль на том, что новочеркасцы «не скупы на карман» и любят изящное:

Взгляните, как все мы не скупы на карман! За одну ложу в театре платим десять, а иногда пятьдесят целковых. Мы бываем постоянными зрителями спектаклей, а они идут три-четыре раза в неделю. Сообразите, сколько мы тратим на изящное искусство! Неужели пожалеем трех рублей серебром в публичную библиотеку за пользование ее книгами?

И не подумайте, чтоб это была ирония. Нет, из соображения представленных фактов г. Филонов выводит, что имен-

но стоит только начать, и на библиотеку все подпишутся, кто тратит деньги на спектакли и пикники!..

В другом месте г. Филонов приходит в ужас от того, что в начале нынешнего столетия были в новочеркасской гимназии учителя немецкого и французского языка, очень плохо и неправильно писавшие по-русски! Как будто бы он не встречал таких учителей и *в настоящее время!*..

Рассуждая о гимназической библиотеке, г. Филонов упрекает ее за то, что в ней есть «Пугайко, чертов брат» и «Искусство быть любимым своею женою»^[5], а нет сочинений Вонлярлярского, Соллогуба^[6], диссертаций Булича, Майкова и пр.^[7] Как будто «Пугайко, чертов брат» – много хуже сочинений Соллогуба, или как будто диссертация г. Майкова о сербской письменности полезнее «Искусства быть любимым своею женою»!.. Тут же находим упрек, зачем нет в гимназии полного собрания законов. Легко сказать: оно стоит около 300 целковых... А много ли назначается на библиотеку в гимназии?

Говоря о воспитании, г. Филонов выражает благоговение перед речью при открытии гимназии Оридовского за то, что в ней сказано: надо, *«да все, возделывая свои таланты, будут люди»*. Основываясь на этой фразе, г. Филонов подымает даже вопрос о том, кто первый открыл мысль, что надо воспитывать прежде человека, а потом уже солдата или кузнеца, – Оридовский или Пирогов?!^[8]

Речь Оридовского на восьми страницах повторяет общие

фразы, повторявшиеся от начала веков, вроде следующих: «Оставить детей без просвещения – значит таланты их погребсти в земле, а общество лишать добрых сочленов; ибо невежа ни к чему не способен. Оставить их без просвещения – есть соделать их суеверными, противными богу и вере». Или: «Это не ученость, когда противуборна; науки полезны, коль учатся им не для пышности, не для суетной славы, дабы блеснуть перед светом, но для образования сердца, для возвышения духа и руководства в жизни». Или еще: «Вообразите, кто без просвещения имел случай и благоприятствующее время обратить в общественную пользу, а паче тогда, когда требовали нужды? Кто без наук, без опытного благоразумия оказал в обществе что достопамятное для грядущих веков? И кто, наконец, без просвещения в государстве учинился важным министром, патриотом для отечества?..»

Приведши всю эту рацею, г. Филонов восклицает, что «нет сил оторваться от ее красноречия!» «Затем делает замечание, что по мыслям, изложенным в ней, забываешь ее давность: «Сдается, что слово современно нам, нашему пробуждающемуся обществу». Как будто бы все эти фразы не составляют вечного достояния фразеров всех времен и как будто речь эта могла быть менее современною во времена Максима Грека или Кирилла Туровского, чем в настоящее время, когда г. Филонов оправдывает свое неведение о диких утках и затопленных барках тем, что он – русский, недавно прибывший на Дон!..

Изъявивши свое умиление от красноречия Оридовского, г. Филонов продолжает: «Речи других учителей и директора наполнены такими общими фразами, что мы не можем привести здесь даже отрывков: *общие места уже всем надоели!*» (стр. 177). Хороши же, должно быть, речи, если уж и г. Филонов нашел в них общие места! Вообразите только, *что* должно казаться общим местом для этого юноши, приходящего в умиление от речи Оридовского и преклоняющегося пред лукавством *хохла*, который его мистифицировал!..

Мы недавно высказывали свое удивление, каким образом знаменитый ныне *кандидат* Петербургского университета, г. Миллер-Красовский, умел усвоить себе учение о трех пощечинах^[9]. Признаемся – г. Филонов возбуждает в нас не меньшее удивление, хотя несколько и в другом роде. Мы не можем постигнуть, каким образом простые и здравые понятия о вещах так жестоко *обошли* скромного «юношу, взятого на седьмом году...» и пр., смотри выше... Общие понятия – об отечестве, о славе русского оружия и пр., у него, конечно, вполне благоразумны и притом выражаются прекрасным слогом. Но мы не об этом говорим: эти понятия-то и у г. Миллера-Красовского очень благонамеренны, если угодно припомнить читателям; и, однако ж, они не помешали ему принять принципом воспитания безусловное подавление всякой самостоятельности в питомце. Так и г. Филонов: при всей возвышенности своих общих понятий он имеет весьма наивные, почти аскетические воззрения на жизнь,

хотя и не столь жестокосердые, как г. Миллер-Красовский. Мы видели, как простодушно удивляется г. Филонов при виде предметов самых неувидительных; мы видели, как он приходит в восторг и умиление от неожиданных своих открытий, вроде того, что в Новочеркасске есть памятник Платову и т. п. Мы видели, как он сокрушается о невозможности воспитывать учеников гимназии на чтении романов г. Вонлярлярского и диссертации г. Майкова. Из этого читатели могли уже отчасти видеть и то, в какой степени способен он к той роли, о которой мы говорили выше, – роли подготовителя новых людей к общественному служению. Приведем еще несколько фактов.

Кроме собственно очерков Дона, составляющих легкие, поверхностные, красноречивые и решительно ничтожные фельетоны, в книге г. Филонова есть три ученые статьи: 1) О книге капитана Чуйкевича: «Подвиги казаков в Пруссии» – статья, принадлежащая к разряду библиографических трудов, бывших в такой славе лет восемь тому назад. 2) «Войсковой атаман Степан Ефремов», статья, представляющая несколько любопытных документов^[10] и несколько нравственных размышлений в таком роде: «Так пал человек, сильный и могучий властелин Дона, богатый и славный атаман! Сколько изумляет он нас в своем счастье, столько сокрушает своим несчастьем. ¹ Не мог вместить атаман своей

---

¹ Заметим, что Ефремов был сослан по обвинению во взятках и казнокрадстве, – и автор вполне верит обвинению! Каково же после этого его мягкосерде-

силы и власти, не устоял, захотел большего и пал, никем не увлекаемый к падению. Такова судьба сильных мира сего!..»
3) «Учебные заведения на Дону, 1790–1807 годы». Об этой статье скажем несколько слов.

Описание прежнего положения местных училищ – дело важное и близкое автору, как учителю. Тут мог выразиться его взгляд на ученье и на самые начала образованности, его понятия об отношении школы к жизни, о потребностях народа, принимающего образование, и пр. В прошлом месяце мы видели, с какой мыслью приступил к подобному же труду г. Фирсов, в статье о пермских народных училищах, и какие живые, гуманные, существенно дельные воззрения выразил он в очерке этих училищ. Ничего подобного не находим мы в статье г. Филонова об учебных заведениях на Дону. В статье этой именно проявилась старая метода кропотливых и мертвых изысканий, не оживленных решительно никакой идеей. В громадных размерах, примененная к предметам обширным, эта метода еще имеет свои достоинства, в смысле произведения точных указателей, справочных книг, сборников сырых материалов. Но в размерах микроскопических в применении к предметам частным и, главное, без сознания того отношения, которое должны иметь эти части к своему целому, – труды, составленные по такой методе, просто забавны. Мы помним, с каким неудержимым смехом читали мы года два тому назад книжку г. Семейского, весьма

важно и наивно утверждавшего, что в Великолуцком уезде прежде свадьбы бывает сватанье, сговор и девишник, на котором песни поют, и что он, г. Семевский, составил сборник великолоуцких пословиц, вроде: «ученье свет, а неученье тьма»; «старый друг лучше новых двух» и т. п. Мы долго не могли вспомнить без смеха, как это г. Семевский ходит по Великолуцкому уезду и собирает такие редкие пословицы...^[11] Теперь г. Филонов, *записывающий* все, что найдет нового и любопытного *для него* на Дону, – напомнил нам г. Семевского. Говорят, что г. Семевский в последнее время напечатал несколько замечательных ученых трудов и уже занял почетное место в ряду почтенных деятелей нашей науки. Мы этого и ожидали, и то же самое можем предсказать г. Филонову: несмотря на свою юность, он скоро может сделаться *почтеннейшим* деятелем русской науки, и только *мы* будем по-прежнему, со свойственным нам легкомыслием, смеяться над кропотливыми изысканиями, которых последнее слово – благоговение к красноречию какого-то Оридовского и удивление, что учитель-француз плохо писал по-русски... Посудите, в самом деле, каковы должны быть плоды изысканий г. Филонова, которого занимают вот какие вещи. «В 1804 году на акте училища присутствовали дворянство, генералитет и другие любители просвещения. Ученики говорили речи на французском и немецком языках», и пр. (стр. 152). «26 мая 1805 года посетил училище преосв. Арсений, епископ Воронежский, вместе с войсковым атаманом Плато-

вым... *Будучи убеждены, что любопытно все, относящееся к детству учебного заведения, мы решаемся привести те речи, которые говорены учениками и учителем главного училища в помянутое посещение»* (стр. 154). И затем приводят речи!.. «Кабинет естественной истории к 1805 году состоял из 274 вещей, математический – из 19 номеров», и пр. «*Подробнее о кабинетах не смеем ничего сказать...*» (стр. 159). Отчего такая несмелость – неизвестно.

Весьма учеными и добросовестными изысканиями пахнут также следующие строки, заключающие в себе описание церемониала открытия гимназии в 1805 году:

Войсковой атаман Платов, генералитет, штаб-офицеры, член университета, директор, учителя и ученики – собрались в доме войсковой канцелярии, где прочтены были приличные пункты из «предварительных правил народного просвещения». Затем началось церемониальное шествие в соборную церковь для выслушания литургии, шествие в следующем порядке: ученики, учителя, директор училища с членами университета, войсковой атаман о войсковыми чинами. Литургию совершал соборный протоиерей Алексей Оридовский; во время многолетия государю императору и августейшему дому произведена была пушечная пальба; по окончании литургии священство с крестом, в предшестве хоругвей, отправилось в тот же войсковой дом, где совершено было водоосвящение... и т. д. (стр. 168).

Занявши таким образом целую страницу перечнем обыкновенного и никому особенно не интересного церемониала, г. Филонов говорит: «Впрочем, нас не столько занимает церемониал, сколько речи и слова, произнесенные при этом случае», и распространяется, как мы уже сказали выше, в похвалах красноречию Оридовского, приводя даже целиком его слово... Далее – имена учеников, перечень учебников, описание торжественного акта, опять с речами учителей и *словопрениями* учеников, сведения о числе учащихся и, наконец (о смелость!), замечание *о недостатках* тогдашних училищ. И так исписано *сорок* страниц... Но и самые сведения об учащихся и ученье так и несут затхлой схоластикой и мыльной риторикой наивнейших ученых вымирающей старины. Вот, например, факты.

«Число учащихся на Дону в четырех училищах (в первые годы нынешнего столетия) представляет довольно светлую картину, – говорит г. Филонов. – Сравнив показания наши с показаниями г. Воронова, *мы остаемся в сладком убеждении*, что преимущество останется за донскими училищами. Вот исчисление». И действительно, по *исчислению* оказывается, что в 1805 году на Дону было учеников 462, тогда как, по «Обозрению училищ петербургского округа» г. Воронова, в 1802 году было в Архангельской губернии 152, в Олонецкой 163, Псковской 386 и пр. (стр. 166). Не говорим уж о том, что г. Филонов не потрудился вывести пропорцию учащихся на число жителей, без чего никакое сравнение невоз-

можно... Где ж г. Филонову до таких тонкостей: он, я думаю, полагает, что Сибирь населеннее Саксонии, потому что в Сибири три с половиною миллиона жителей, а в Саксонии только два. Он, как по всему видно, филолог и библиограф; следовательно, ему позволительно не иметь ни малейшего понятия о требованиях сравнительной статистики. Но вот что любопытно: какой непостижимый оборот принимает патриотизм у г. Филонова! Ему *сладко*, видите ли, быть убеждену, что в 1802 году в Вологодской губернии менее училось народу, чем в Земле донских казаков! Что же тут особенно *сладкого*, и чем объяснить странность вкуса нашего «юноши, по седьмому году взятого...» и пр., смотри выше...

В объяснении недостатков учения в 1805–1807 годах автор «Очерков Дона» является до того наивным, что внушает невольное подозрение, – не воспитан ли он по методе г. Миллера-Красовского, в принципе: *не рассуждай...* Принцип этот выражается у него в двух явлениях: во-первых, он никак не может перевернуть предмет на разные стороны и открыть сущность дела под внешней оболочкой; а так, – какой стороной вещь пред ним ляжет, та только сторона и отразится в его сознании, – и уж дальнейшего движения и работы в уме не ждите. Во-вторых, если дело идет о старших, начальниках, учителях, преданиях, предписаниях и т. п., то хотя бы они показались ему и прямо дурной стороной, но он старается закрыть и уничтожить эту сторону увесистым силлогизмом, в виде такого булыжника: «А все-таки они стар-

шие», или: «А все-таки они учителя, – стало быть, во всяком случае лучше нас, и, следовательно, не надо попускать в себе развиваться мысли о дурных сторонах их...» О том, до какой степени сильны в г. Филонове оба эти явления (несомненные признаки воспитания и принципах г. Миллера-Красовского), могут свидетельствовать следующие факты.

У г. Филонова приводится несколько документов, свидетельствующих, что многие, при всем желании учить своих детей, не имели возможности отдавать их в училище по бедности, а другие бежали от ученья, ужасаясь обращения учителей и всех училищных порядков. В одном донесении директора даже прямо говорится: «А народ, скудостью отягощенный, *хотя и желает учить детей*, но ежедневные домашние нужды их от того отвлекают: один пасет овец, другой в кузнице помогает отцу, а третий на пашню уехал» и пр. И все эти факты приводят г. Филонова к тому заключению, что в народе не было любви к просвещению. «Мы обязаны сознаться, – говорит он, – что в народе понятия о просвещении были самые жалкие» (стр. 186). Ну, конечно: понятия народа виноваты...

Другой пример: г. Филонов сам же приводит несколько сведений о том, как учителя были глупы, грубы и бессовестны. Учитель Яновский за какие-то пустяки колотил ученика по щекам до того, что у того кровь пошла из носу; учитель Арнольди одного ученика таскал за волосы, а другого колотил по голове за то, что они в его классе писали не в

тетради, а на полулисте; учитель Божковскмй был оставляем в гимназии учителем математики нарочно затем, *дабы усовершенствоваться в оной*; все учение было в долбежку, так что, «когда отвечают ученики, что рай был в Азии, – на вопрос: *«Что есть Азия?»* – отвечают в одних местах, что *«Азия есть растение»*, а в других, что *«Азия есть страна»*, на вопрос же: *«Какая страна – правая или левая?»* – отвечают: *«Левая»*, и пр. (стр. 191). Напавши раз на подобные факты, человек, избегнувший принципа «не рассуждать», конечно, мог бы выйти от них к соображениям весьма полезным и важным. Потрудившись над собранием и распределением возможно большего количества фактов и сравнивши их с общим состоянием просвещения и нравов в то время, можно было представить весьма живую и занимательную картину внутренней жизни тогдашних училищ. А занявшись изъяснением причин, от которых происходил у нас везде такой контраст просвещенной формы с самым грубым невежеством в существе дела, можно бы дойти до выводов весьма широких и плодотворных. Но г. Филонов боится рассуждать: свои пять страничек, на которых излагается темная сторона обучения (с обвинением народных масс), он заключает следующими строками:

Прибавим, что мы слышали множество изустных рассказов о первых учителях нашей гимназии, рассказов самого возмутительного свойства; *но, говоря словами великого поэта, —*

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим...^[12]

Какая удивительная кротость, и в то же время какое своекорыстие! Ведь по естественному человеческому смыслу надо полагать, что автор «Очерков Дона» будет и сам для себя того же требовать от учеников и от всех вообще младших, – особенно когда он постарше будет... А если кто захочет указать ему его недостатки, того он почитит именем *неблагодарного*... Вот вам и прогресс, вот и нравственное совершенствование поколений! Принцип благодарности, примененный к истории и выражающийся в ней малодушным молчанием! Очень разумно! Нельзя, видите, раскрыть внутренней жизни училища за пятьдесят лет назад, потому что надо помнить долг признательности к наставникам! А тут еще кричат о гласности, об обличениях и хотят придать этому вид любви к общему благу... Какое общее благо! Неблагодарность, и больше ничего... Если бы мы были проникнуты чувством признательности, столь возвышающим человеческую природу, то всё бы только похваливали и нежнейшим, умильнейшим голоском говорили бы: «Прежде было очень хорошо, а еще прежде – тоже очень хорошо, а теперь – тоже очень хорошо, – а вперед будет – тоже очень, очень хорошо!..» Тогда мы и были бы благодетельными детьми, и гг.

Ефим Дымман^[13], А. Филонов и Н. А. Миллер-Красовский остались бы нами довольны...

Итак, вот наши молодые наставники и руководители, вот те люди, которые должны готовить к деятельности будущее поколение!.. Они с юности берут себе принципом – остановиться на том, что предано и заповедано старшими, и, делаясь сами старшими, без сомнения те же принципы будут проводить и для назидания своих учеников. Питая их фантастическими бреднями, вроде сочинений Вонлярлярского, да мертвой схоластикой, в виде филологических надрываний г. Майкова над *эрами* и *ерями*, они внушают уважение только к формальности, избавляющей от всяких рассуждений, и к голубиной кротости, прямехонько свергающей человека в обломовщину... А между тем эти люди беспрестанно злоупотребляют именем Пирогова; а Пирогов именно толкует, что воспитание есть приготовление к борьбе, которую человек неизбежно должен начать при самом вступлении в жизнь, если только останется честным человеком и не захочет пасть ниц пред первым попавшимся кумиром...

Впрочем – забавная вещь! – есть жизненные факты, которые заставляют подняться самого залежавшегося человека. Кажется, уж чего кротче, идилличнее, прекраснодушнее, чем автор «Очерков Дона»! Он, как мы видели, более способен витать в «Замке на берегах Дона», сочиненном господином Зряховым^[14], – нежели просто жить в Земле донских казаков; для него, кажется, не только новы, но и совершен-

но неведомы все впечатленья бытия, точно так, как неведомы дикие утки и непостижим водоворот на реке... Но и этого *юношу* пробрала жизнь, и его заняла серьезно одна сторона ее и вызвала у него одну жизненную заметку, – кажется, единственную во всей книге. Он выражает недовольство тем, что учительское жалованье мало и что на 393 рубля в год нельзя жить в Новочеркаске... Нашлось-таки, значит, явление, которое и его задело за живое!..

Впрочем, он, вероятно, уже утешился и примирился теперь с своей судьбою, потому что жалованье учителям прибавлено. Притом же он, вероятно, надеется на успех своих «Очерков Дона», которые стоят – как вы думаете, сколько? – *полтора целковых!*..

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БдЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 11, отд. III, с. 84–97, без подписи. А. Г. Филонов окончил в 1855 г. Главный педагогический институт, был противником образовавшегося там Добролюбовского кружка, распускал о Добролюбове сплетни (см.: VIII, 544). По окончании института направлен учительствовать в Новочеркасскую гимназию. Служивший в той же гимназии А. А. Радонежский писал Добролюбову, что Филонов «издает «Очерки Дона» <...> просит твоей пощады» (цит. по статье: Рейсер С. А. Н.А. Добролюбов и его товарищи в Главном педагогическом институте. – Освободительное движение в России, вып. 3. Изд. Саратовского государственного университета, 1973, с. 18). Статья Добролюбова, конечно, не «мечь» бывшему соученику. Критик продолжает в ней свои размышления о ходе русской жизни, о настоящем деле, о задачах нового поколения. Книгу А. Филонова он рассматривает как одну из «литературных мелочей», образец рутинной мысли и рутинного слога с претензией на столичный лоск, новизну.

Возможно, что статья Добролюбова с новым осуждением обломовщины стала одним из поводов для выступления А. И. Герцена «Лишние люди и желчевики» (1860). См.: Русская литература, 1986, № 3, с. 244. О статье Герцена см. наст.

Комментарии

1.

См. в наст. т. рецензию на «Пермский сборник».

2.

Стихотворение В. А. Жуковского (1812).

3.

Речь идет о статье «Что такое обломовщина?».

4.

Цитата из стихотворения Некрасова «Песня Еремушке» (1858), одного из особенно любимых Добролюбовым. Он писал И. И. Бордюгову 20 сентября 1859 г.: «Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить «Песню Еремушке» Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике». Замени только слово истина – равенство, лютой подлости – угнетателям; это опечатки... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости. Боже мой! Сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!..» (IX, 385). «Опечатки», о которых пишет Добролюбов, – цензурные замены.

5.

Анонимно изданные книги в стиле вульгарного романтизма и сентиментализма.

6.

В. А. Вонлярлярский – незначительный писатель, упоминается рядом с известным в 40–50-е гг. писателем В. А. Соллогубом, к произведениям которого Добролюбов относился отрицательно. См. примеч. 44 к статье «Темное царство».

7.

Диссертация Н. Н. Булича – «Сумароков и современная ему критика» (1854); диссертация А. А. Майкова – «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа» (1857).

8.

Нарочитое сопоставление новочеркасского священника А. Оридовского и известного ученого Н. И. Пирогова, в 1859 г. выступавшего по вопросам воспитания. См. в т. 1 наст. изд. статью Добролюбова «О значении авторитета в воспитании» и примеч. к ней.

9.

Н. А. Миллер-Красовский в «Основных законах воспитания» (СПб., 1859) одним наказаниям предпочитал

другие и приводил пример, как один наставник якобы «вылечил» от упрямства мальчика «тремя пощечинами». Это «открытие» было высмеяно в петербургской прессе, в том числе в рецензии Добролюбова (см. в наст. т. с. 300), в фельетоне В. Курочкина «Педагогическое нововведение (письмо в редакцию в стихах и прозе)» (Искра, 1859, № 25). Во второй своей рецензии на книгу Миллера-Красовского (в «Журнале для воспитания») Добролюбов называет ее автора «рыцарем трех пощечин» (V, 235).

10.

В статье приводятся письма атамана Ефремова, сложенные в его честь акростиhi панегириста XVIII в., материалы о его аресте по указанию Екатерины II и др. Эти документы попали в руки А. Филонова от одного из потомков атамана Ефремова.

11.

См. рецензию Добролюбова «Великие Луки и Великолуцкий уезд. Заметки Михаила Семевского» (Совр., 1858, № 1; II, 199–203).

12.

Из стихотворения А. С. Пушкина «19 октября» (1825).

13.

О Е. Дыммане см. в наст. т. статью Добролюбова «Новый кодекс русской практической мудрости».

14.

Примитивное произведение романтического толка: «Геройство и любовь, или Замок на берегах Дона, российско-исторический роман» (М., 1845).